

19.10.2000

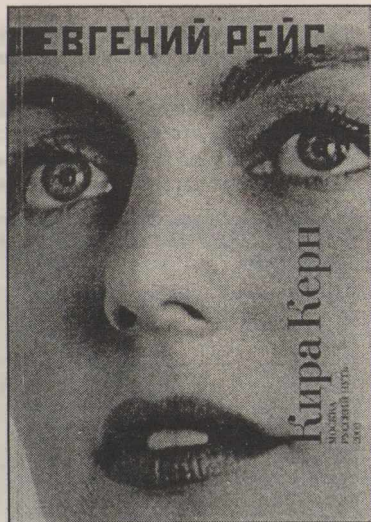
15

Русская мысль - Париж. - На подступах 2000. - К роману 1900х. - с.14.

Вышедших вслед за «Радугой» (см. «РМ» №4301) книгах Евгений Рейс предстает перед читателем в роли не только мемуариста, но и прозаика, желая, очевидно, вписаться в определенную традицию европейской новеллы (новеллистичность присуща очерковой по структуре книге о Кожевникове), если не романа (так Е.Рейс обозначил жанр «Кире Керн»).

Обе книги не вполне отвечают своим названиям. Кожевников-Кожев так и остается загадкой и для своих биографов, и для самого автора повествования о нем.

В «Кире Керн» героиня появляется лишь во второй трети романа и в сущности несет служебную функцию в отношении героя — художника, в котором угадываются черты самого автора. Евгений Рейс занят не столько проработкой психологических портретов, сколько передачей выразительных внешних черт лиц и обстановки, мгновенных снимков людей и событий. Он, кроме того, свидетель времени. И фон, атмосфера эпохи (а это конец 20-х — 40-е годы) не менее

существенны, чем действующие лица.

В фигуре философа-неогегельянца Александра Кожевникова, более привычного западному читателю под фамилией Кожев, а российскому вообще малоизвестной, автора занимает общечеловеческая грань жизни философа, которого он знал довольно близко в течение сорока лет. Одна из основных тем Евгения Рейса — то, как этот оригинальный человек вписывается в социум.

«Я спрошу разрешить мне записывать все, что сохранила моя память и о чем Ваши будущие биографы могут не знать. Малейшие подробности и детали крайне важны для анализа Вашей личности», — пишет Е.Рейс в воображаемом письме, включенном в повествование, обращаясь к Александру Кожевникову.

В начале повествования автор дает справку: «Александр Владимирович Кожевников (Кожев после своей натурализации во Франции в 1937 году). (...) Семья Александра была очень состоятельной и в числе разных предприятий владела одним из главных ювелирных магазинов города под вывеской «Лорье и Комп» на Кузнецком мосту... В годы учебы молодой Александр был записан в известную гимназию Медведникова».

С одобрения своей матери Кожевников с другом в январе 1920 года навсегда покидает Россию, нелегально перейдя русско-польскую границу. Александр мечтал стать студентом Гейдельбергского университета, и его мечта в том же году осуществилась. Но он вовсе не замкнутый в себе интеллеktуал — напротив, своим поведением он напоминает повес пушкинской поры.

Жизнь, предстоящая перед нами, зрима, порою до натурализма.

Парижская молодость Е.Рейса, Кожевникова и берлинская Олега и его друга по прозвищу Пингвин вызывает в памяти хемингуэвский «Праздник, которой всегда с тобой» с ежедневными бистро и доступными ресторанами. И здесь немало примечательных знаменитостей: юная Пиаф, Кандинский (дядя Александра), Конрад Фейдт, Александр Вертинский, дебютирующая на экране Даниэль Дарье, молодой Набоков, Феликс Юсупов... Однако все они эпизодичны. Автора больше занимает не «пантеон», а простые люди или же причудливые богачи вроде фон Райна, коллекционирующего европейские и восточные раритеты, или Сандро, своими экстравагантными выходками напоминающего абхазского тезку из «саг» Фазилия Искандера. Все это характерно для времени, в котором развивается действие романа: большой кризис и наступление «коричневой чумы». Оба повествования проследены мгновенными стоп-кадрами времени:

«И нечто другое привлекало мое внимание — розовые зеркала! Как как-

кое-то страшное поветрие, они внезапно появлялись всюду, в кафе и ресторанах, витринах магазинов, в отелях и вестибюлях частных домов, в банках, кино и театрах, в салонах, спальнях и ванных комнатах... Казалось, все население в тайной тревоге старалось видеть действительность в розовом свете. Мне это казалось знамением времени» («Кожевников»).

Это Париж. А вот Берлин после «пивного путча»:

«Город жил в атмосфере безумия. Улицы и площади были запружены народом, не прекращались шествия, с ревом треща флажками со свастики, мчались автомобили, громыхали грузовики, на них, сжимая в руках винтовки, недвижно стояли солдаты в зеленых шинелях, в касках, похожих на чугунные пушечные ядра» («Кира Керн»).

С Александром Кожевниковым автор переживает наступление Второй Мировой и сдачу Парижа, встречу союзников, возвращение к мирной жизни. Александр все более удаляется от него. Его работа в министерстве экономики и частые командировки плюс природная жажда путешествий влекут философа по всему миру. Последние страницы автобиографии, как определяет смешанный жанр своего повествования о друге Евгений Рейс, — это некое резюме жизненного и интеллектуального пути героя. Хочется знать о нем больше. Возможно ли это?

АЛЕКСЕЙ ГРОМОВ-КОЛЛИ
Москва

Рейс Евгений

Е.Г.Рейс. Кожевников, кто Вы?
М.: «Русский путь», 2000. 108 с.

Е.Г.Рейс. Кира Керн: Роман. М.:
«Русский путь», 2000. 196 с.